

«Сбираешь, что придет в голову»:
связанные мотивы в колыбельных Русского Севера

Маргарита Г. Белодедова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, belmargam@yandex.ru*

Аннотация. Традиционные колыбельные песни не имеют общего инвариантного сюжета: они являются связкой ряда микросюжетов, которые исполнитель «сбирает» вместе, каждый раз создавая новое произведение. Каждая колыбельная будет уникальной не только по объему текста, но и по количеству мотивов, их свернутости/развернутости, комбинации и последовательности. Несмотря на импровизационность жанра, колыбельные состоят из мотивов настолько устойчивых, имеют настолько жесткую и клишированную ритмическую структуру, что их можно называть формулами. Они могут иметь как довольно емкую, краткую форму, так и более развернутую структуру – одну из этих форм мотива исполнитель выбирает во время создания, пропевания колыбельной, и в зависимости от избранной формы он выбирает последующие мотивы, принадлежащие к тому же «кластеру». Поскольку длительность исполнения колыбельной полностью зависит от ее адресата, то есть от того, как долго он будет засыпать, не существует сколько-нибудь жесткого порядка, регламентирующего последовательность выбора мотивов. Тем не менее можно проследить некоторые повторяющиеся «спевы» – связки мотивов, которые чаще других оказываются рядом друг с другом.

Ключевые слова: колыбельная песня, русский фольклор, мотив

Для цитирования: Белодедова М.Г. «Сбираешь, что придет в голову»: связанные мотивы в колыбельных Русского Севера // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 6. С. 51–63. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-6-51-63

“You pick up what comes to mind”.
Connected motifs in the lullabies of the Russian North

Margarita G. Belodedova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
belmargam@yandex.ru*

Abstract. Traditional lullabies do not have a common plot – they are a bundle of a number of micro-plots that the performer “pulls” together, each time creating a new song. Each lullaby will be unique not only in the volume of the text, but also in the number of motifs, their coiled-uncoiled, their combination and sequence. Despite the improvisational nature of the genre, lullabies consist of motifs so stable and have such a rigid and clichéd rhythmic structure that these motifs can be called formulas. They can have both a rather capacious, brief form, and a more expanded structure – one of these forms of motifs the performer chooses during the creation, singing of the lullaby, and depending on the chosen form he chooses subsequent motifs belonging to the same “cluster”. Since the duration of the lullaby depends entirely on the addressee (i. e., on how long it will take him to fall asleep), there is no rigid order regulating the sequence of motif selection. Nevertheless, it is possible to trace some recurring “associations” – bundles of motifs that are more often next to each other.

Keywords: lullabies, Russian folklore, motif

For citation: Belodedova, M.G. (2023), “‘You pick up what comes to mind’. Connected motifs in the lullabies of the Russian North”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, pp. 51–63, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-6-51-63

Колыбельные песни – специфический жанр. От других жанров русского песенного фольклора его отличает отсутствие сюжета как такового. Несмотря на фрагментарность, которая свойственна колыбельным, некоторые исследователи считают, что сюжет все же может быть присущ колыбельной, но только конкретному ее варианту, тогда как некоего общего, инвариантного сюжета у колыбельных нет и быть не может – в связи с их зависимостью от поведения адресата [Головин 2000, с. 14]. Тот (или чаще та), кто укладывает ребенка, не может знать наверняка, через какое время он уснет, как долго придется «байкать», и, таким образом, какой-то единый сюжет может быть оборван, или его может, наоборот, «не хватить» для усыпления ребенка.

Говоря о варианте колыбельной, важно иметь в виду крайнюю неоднородность этого явления – в записях могут встречаться как

крупные тексты, так и тексты, состоящие всего из одного четверостишья, но и то, и другое будет называться «колыбельной». Такое различие в объеме текстов объясняется контекстом записи – в тех редких случаях, когда собиратель становится свидетелем ситуации исполнения колыбельной младенцу, ему удается записать крупный текст с множеством мотивов. Намного чаще записанными оказываются только фрагменты (заготовки) таких колыбельных, формулы, из которых они обычно «собираются» в подходящей коммуникативной ситуации.

Мотив или минимальную единицу текста в колыбельных песнях особенно сложно выделить из-за ритмизованной организации и формульности всего текста. Он может выражаться посредством емкой стереотипизированной формулы в одну строку ритмизованного текста или разворачиваться на несколько четверостиший. Однако и то, и другое будет представлять именно мотив, «одноактный микросюжет», проявляющийся в действии [Мелетинский 1983, с. 118]. Для более точного понимания концепции мотива и того, как работать с мотивами в колыбельных песнях, полезной оказалась работа С.Ю. Неклюдова [Неклюдов 1984].

Подробную классификацию мотивов колыбельных песен русской традиции предложил В.В. Головин в своей диссертации [Головин 2000, с. 22]. Назвав мотив «структурообразующей единицей» колыбельной, он подчеркнул именно эту неоднородность мотива в колыбельной, обозначив ее как разделение мотива на формулу и формульный мотив. Формула в таком случае является довольно короткой (ее можно свести к одной-двум ритмически завершенным «строкам») стереотипизированной единицей, а формульный мотив представляет собой уже более развернутую структуру, которая тем не менее имеет ту же функциональную наполненность¹.

В.В. Головин выявил двадцать одну мотивную группу, по которым распределил конкретные словесные формулы колыбельных песен, посредством которых эти мотивы выражаются. Другие исследователи колыбельных песен также выделяли стереотипизированные мотивы как важнейшую составляющую колыбельных, но свои классификации часто строили на основе их тематики, как, например, А.Н. Мартынова [Мартынова 1974], предложившая рас-

¹Несмотря на то что в рамках данной статьи функции колыбельных оказались на втором плане, важно отметить, что классификация именно по функциям кажется наиболее подходящей для такого неоднородного материала, как колыбельные песни. Наиболее расширенную и подробную на данный момент функциональную классификацию предложил В.В. Головин в своей докторской диссертации [Головин 2000].

пределение колыбельных по четырем основным группам (песни императивные, повествовательные, заимствованные и литературного происхождения) и подгруппам, которые и подразумевают тематическое распределение (например, группа «императивные песни» включает две подгруппы: «пожелания ребенку» и «обращения к различным существам с просьбой» – такая классификация выглядит логичной и, на первый взгляд, способной охватить все бесконечное разнообразие колыбельных песен, но при более подробном разборе оказывается чересчур размытой).

Информанты, от которых удастся записать колыбельные, сами называют их не песнями, а «байканьем», что может отражать как раз понимание импровизационности жанра традицией. Первая и главная функция колыбельной – убаюкивание ребенка, и песня будет исполняться до тех пор, пока ребенок не заснет. Соответственно, песня создается непосредственно в момент исполнения – именно от длительности ее исполнения и будет зависеть конечный «сюжет» текста или, точнее, количество сопряженных микросюжетов. Любой текст, даже самый объемный, не будет иметь некоего общего сюжета, а будет фрагментарным, разделенным на эти самые микросюжеты, которые сменяют друг друга и не всегда, как кажется, имеют между собой какую-то связь. Эти микросюжеты и есть формульные мотивы, которые то расплзаются на несколько четверостиший, то сворачиваются до одной-двух строк:

Придёт серенький волчок,
Схватит... <...> дитячко за бочок.
(ИЛВ, 2013)²

Баю-баюшки-баю,
Не лажися на краю,
Придёт серенький волчок
И ухватит за бачок,
Он ухватит за бачок,
И утащит ва лисок,
Он утащит ва лесок,
Пат ракитавьый кусток...
(СМА, 2004)

Интересным в этой связи оказывается вопрос, предлагает ли традиция сочетания мотивов или ее носители действительно «собирают все, что придет в голову», следуя индивидуальным мнемоническим приемам.

Чтобы выявить устойчивые мотивные сочетания, необходимо выделить колыбельные песни, состоящие из двух и более мотивов, что и было сделано на материале, собранном фольклорными и

²Все приведенные в статье тексты взяты из материалов архива Лаборатории фольклористики РГГУ.

этнолингвистическими экспедициями Лаборатории фольклористики РГГУ с 1993 по 2021 г. в Архангельской области и хранящемся в архиве Лаборатории фольклористики РГГУ.

Колыбельным свойственны именно формульные мотивы – устоявшиеся и ритмически единообразные элементы, вариативность которых будет незначительной. В примере ниже прослеживается некоторая семантическая трансформация формулы при относительно устойчивой фонетической и ритмической составляющих, в связи с чем можно предположить, что в некоторых случаях первостепенной оказывается именно форма и ритмический рисунок мотива.

Нет ли мѣстечка в раю	Да нет ли мѣстичка в раю?	Нет ли мѣсѣчка в раю,
Да на самом на краю...	Нет ли мѣстичка в раю,	Там на самом на краю.
(ТИС, 1996)	Хоть на самом на краю?	(ААИ, БОВ, 2003)
	(ВЕП, БЛН, 2001)	

Так, имея в виду уникальность каждой песни в связи с тем, что важнейшую роль в исполнении колыбельных играет импровизация, мы, обращаясь к материалу колыбельных, все же встречаем большую степень повторяемости, стереотипизацию ее элементов. Более того, повторяются не только отдельные элементы, мотивы (в развернутой или свернутой форме), но и некоторые «спевы», связки таких мотивов. Важную роль в таких «спевах» будет играть свернутость или развернутость конкретного мотива. Свернутый мотив может тянуть за собой один связанный мотив, а развернутый – другой.

Баю-баю-баю-бай,	Бай-бай-бай,
Поди, бука, на сарай,	Поди, Бука, на сарай,
На сарае кирпичи,	Поди, Бука, на сарай,
Буке некуда лѣкчи.	Коням сена надавай,
Баюшки-баю.	Кони сена не едят,
(КАД, 2003)	Всѣ на Женичку глядят,
	Бай-бай-бай.
	(МНП, 1998)

Таким образом, несмотря на крайнюю неоднородность материала, мы можем говорить об устоявшихся связях мотивов, о своеобразных кластерах, которые формируются вокруг персонажей (например, блоки мотивов, связанных с Букой, Бабаем, волчком и проч.), действий («не ложися на краю», «не ломайся надо мной» и т. д.) и локусов («нет ли местечка в раю», «у своей избы играй»)³. Все эти мотивы в большей или меньшей степени клишированы

³Важно отметить, что эти кластеры не имеют жестких границ и мотивы могут обладать «взаимопроникающими» свойствами и образами.

и имеют как свернутую, так и развернутую форму, что позволяет производить практически неограниченное количество вариаций, совершая переходы от одного кластера к другому с помощью «убаюкивательных» формул (*баю-баюшки-баю, люли-люлюшки-люлю, бай да побай* и проч.).

Кроме того, важным для традиционной колыбельной оказывается формульность ее мотивов и с точки зрения мнемонических приемов. Устоявшиеся, стереотипизированные «свертки» мотивов могут служить мнемоническими якорями, которые позволяют «вытягивать» из памяти более развернутые формулировки. Часто можно наблюдать, как сначала появляется формула в свернутом состоянии, а затем она разворачивается.

Баюшки-побай,
А на краю живёт Бадай,
На краю живёт Бадай,
На другом и Тарабай.
(ЕИТ, 1993)

К тебе ангелы лители,
Сесть на люлечку хотели...
[СЛН:]
Сесть на люленьку хотели,
Беспробудно спать велели...
(МНП, 1998)
Беспробудно спать велели,
Без пробуду, без прохвату
Спать до самово закату,
До горячих пирогов,
Пока наточим топоров.
Мы топорики направим,
На работушку отправим,
Бай-бай-бай.
(МНП, СЛН, 1998)

Исполнитель выбирает, какие мотивы развернуть, а какие оставить в свернутом состоянии, и перемещается между мотивными «кластерами» с помощью переходных (обычно содержащих обращение к младенцу и разные формы повелений, связанных со сном: «спи, мой миленький дружок», «спи-тко, милое дитя» и т. п.) и «убаюкивательных» формул («баю-баю-бай», «байкочи-байкочи» и т. п.).

Бай да побай,
Не ходи ты туда на край,
Баю-баю-баю-бай.
Не ходи туда на край,
Да у своей-то избы играй,
Баю-бай Денисоньку.
Спи, Денис ты, Бог с тобой,
Ты не ломайся надо мной,
Баю-баю-баю-бай.
(БЗН, 1997)

Баю-баюшки, баю-бай,
Не ходи гулять на край,
На краю ребята злые,
Морховáтые, грязные.
(КЕА, 1997)

Как уже отмечено выше, все построение колыбельных песен основано на импровизации: используя относительно устойчивые мотивы и связывая их между собой переходными формулами, исполнитель свободно перемещается между мотивными «кластерами» так долго, как того требует конкретная коммуникативная ситуация. Это передвижение кажется хаотичным и, вероятно, может таким быть, поскольку на данный момент не удалось выявить определенных правил или предписаний, которые бы регламентировали какую-то взаимозависимость разных мотивов или порядок их исполнения. Тем не менее на материале АЛФ РГГУ удалось выявить несколько мотивных «спевов», которые оказываются по соседству чаще других. Такой связью обладают следующие мотивы:

1. Связка мотивов, выраженных формулами «придет серенький волчок» и «нет ли местечка в раю» (4. Мотив пугания-предупреждения; 19. Мотив призыва-отгона смерти, по классификации Головина).

Придёт серенький волчок,
Тебя хватит за бочок.
Баю-баюшки-баю,
Нет ли мѣстечка в раю,
Нет ли мѣстечка в раю,
Хоть на самом на краю...
(ДАА, 1996)

Баю-баюшки-баю, баю-баю-бай,
Поскорее засыпай,
Придёт серенький волчок,
Тебя схватит за бочок.
Баю-баюшки-баю,
Нет ли мѣсячка в раю,
Нет ли мѣсячка в раю,
Там на самом на краю.
(ААИ, БОВ, 2003)

2. Мотивы, выраженные формулами «придет серенький волчок» и «прилетели гуленьки» или «прискакали зайньки» (4. Мотив пугания-предупреждения; 2. Мотив призыва успокоителя, по классификации Головина):

Придёт серенький волчок,
Тибя хватит за бочок.
Баю, баю, байньки,
Прискакали зайньки,
Прискакали-ускакали,
Горностаи присвистали.
(ДАА, 1996)

Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю,
Не то придёт к нам волчок
Да ухватит за бочок,
А ухватит за бочок,
И утащит под мосток,
Баю-баюшки-баю,
Люли-люлиньки маи,
Прилетели гуленьки,
Прилетели гули спать,
Сели, сели на кровать,
Стали гули ворковать,
Ты малое, засыпать,
Бай-бай-баюшки,
Баю-баю-баюшки.
(БТВ, 2005)

3. Мотивы, выраженные формулами утверждения роста и формулами пугания ребенка (9. Мотив сна-роста; 4. Мотив пугания-предупреждения, по классификации Головина):

Спи дитя моё – не майся,
Рости, да не ломайся.
Будешь крѣтаться, ломаться,
На тебя будем ругаться.
На тебя будем ругаться,
Будут люди дивоваться.
(МНП, 1998)

Кѣши да покѣши,
Ты расти, Денис, повыше,
Баю-бай Денисоньку.
Повыше плечом
Да покрасивее лицом,
Люли-люли-люли-лю.
Бай да побай,
Не ходи ты туда на край,
Баю-баю-баю-бай.
Не ходи туда на край,
Да у своей-то избы играй,
Баю-бай Денисоньку.
(БЗН, 1997)

4. Мотивы, выраженные формулами с вариацией указания «спи» и связанных с утверждением роста ребенка (12. Мотив утверждения сна; 9. Мотив сна-роста, по классификации Головина):

Спи-ко день, спи-ко ночку,
До белово светочку.
Спи до белово свету.
Не мешаешь никому.
Помешаешь одной.
Я-то дитячко своё
Да укачаю я ёго.
Спи-спи да поскорей вырасти.
(ВВК, 1995)

Женя, спи,
Женя, спи,
Женя, спи – во сне,
Женя, вырасти.
Женя, вырастет большой,
Будет беленький – баскбѣй.
(МНП, 1998)

Между собой мотивы могут быть связаны, вероятно, семантически или мнемонически – так, мотивные кластеры должны иметь какие-то «крючки», благодаря которым они будут друг за друга цепляться, вытягивая подходящий к ситуации мотив. Логичным для таких «крючков» кажется либо смысловой переход, либо переход, связанный с простотой запоминания и произнесения именно этих мотивов друг за другом. Кажется, семантическую связь можно проследить в обозначенной мотивной «связке» № 4: рост и сон для младенца оказываются крепко связаны в восприятии носителя традиции. Причины связей, конечно, еще предстоит подробно исследовать.

Следует отметить, что предложенные мотивные связки не обладают особенной устойчивостью и являются скорее предпочтением, чем правилом, каким-то образом регламентирующим порядок исполнения. Однако интересной оказывается их повторяемость и, вероятно, имеет смысл рассмотреть порядок следования мотивов на более широком материале.

Каждый вариант традиционной колыбельной песни оказывается абсолютно уникальным не только по размеру (то есть длительности исполнения), но и по содержанию, по количеству мотивов, их развернутости и комбинации.

Колыбельная может состоять из одного смыслового компонента (мотива), который повторяется в различных вариациях, перемежаясь «убаюкивательными» формулами (как, например, «баю-баюшки-баю»), и представлять из себя довольно короткий текст.

Кы́ши, кы́ши, кы́ши.
Ты расти, дочка, повыше,
Выше плечом, да красивее лицом,
Кудреватым волосищем,
Русые кудёрушки.
По плечикам висят:
Кудри не соски,
А кудреваты волоски.
(ПЕК-1, 1996)

Или она может состоять из десятка мотивов, ни один из которых не повторится за все время исполнения.

Бай-бай, бай-бай.
Спи-ка, дитяtko мило,
У сердечко ты близко было,
Да на родины ты приходило,
По тебе сердечушко ныло.
Спи-ко, дитяtko моё,
Буду байкать я ёго.
Буду байкать я котят,
Будет дитяtko молчать,
Спи-ко день, спи-ко ночку,
До белово светочку.
Спи до белово свету.
Не мешаешь никому.
Помешаешь одной.

Я-то дитяtko своё
 Да укачаю я ёго.
 Спи-спи да поскорей вырасти.
 Как вырасти да не помри.
 Как дитяtko помрёшь,
 Много слёз наделаешь.
 Много слёз, тоски
 Да до гробной доски,
 До родной матушки.
 Будет матушка рыдать
 До по сыночке поминать.
 (ВВК, 1995)

При этом важнейшую роль играют так называемые «свертки», краткие мотивные формулы, благодаря которым исполнитель колыбельной будет не только варьировать мотивы в более развернутой структуре, но и вспоминать сами эти структуры, чему способствует их жесткий, крайне устойчивый ритмический рисунок.

Придёт серенький волчок,
 Диму схватит за бочок.
 (ПАТ, 1995)

Ходит серинький волчок,
 Может цапнуть за бочок.
 (ТВМ, 2007)

Придёт <...>
 маленький волчок
 Да ухватит за бочок.
 (ПНИ, ПНВ, 2014)

Благодарности

Благодарю за помощь и содействие в подготовке публикации профессора Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ С.Ю. Неклюдова и профессора кафедры Славистики и центральноевропейских исследований РГГУ А.Б. Мороза.

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Песня в русской культуре: поэтика, историческая динамика, социальный контекст» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

Acknowledgements

I thank S.Y. Neklyudov, Professor of the Center of Typology and Semiotics of Folklore at the Russian State Humanities University, and A.B. Moroz, Professor of the Department of Slavistics and Central European Studies at the Russian State Humanities University, for their help and assistance in preparing this publication.

This work was done as part of the RSUH project “Song in Russian Culture: Poetics, Historical Dynamic, and Social Context” (“Student Research Project Teams of the Russian State University of Humanities” contest).

Список информантов

- ААИ – Агапитова Анна Ивановна, 1925 г. р. Записали в г. Каргополь Каргопольского р-на, 2003, Назарова Н.В., Сысоева О.В.
- БЗН – Боус Зоя Николаевна, 1940 г. р. Записали в с. Нокола, д. Меньшаковская Каргопольского р-на, 1997, Трофимов А.А., Мороз А.Б.
- БЛН – Белашева Любовь Николаевна. Записали в с. Слобода, д. Большая Кондратьевская Каргопольского р-на, 2001, Денисевич К.Н., Хафизова Л.Р.
- БОВ – Благовских Ольга Васильевна, 1950 г. р. Записали в г. Каргополь Каргопольского р-на, 2003, Назарова Н.В., Сысоева О.В.
- БТВ – Бойко Тамара Васильевна, 1949 г. р. Записали в с. Мехреньга Няндомского р-на, 2005, Мороз А.Б, Левина И.В.
- ВВК – Володина Вера Кузьминична, 1926 г. р. Записали в с. Архангело Каргопольского р-на, 1995, Жданова А.А., Лобовская В.Ю.
- ВЕП – Власова Екатерина Петровна, 1933 г. р. Записали в с. Слобода, д. Большая Кондратьевская Каргопольского р-на, 2001, Денисевич К.Н., Хафизова Л.Р.
- ДАА – Дьяченко Александра Алексеевна, 1933 г. р. Записали в с. Ухта Каргопольского р-на, 1996, Каспина М.М., Веселова И.С.
- ЕИТ – Тугунова Екатерина Ивановна, 1930 г. р. Записали в с. Калитинка Каргопольского р-на, 1993, Морозова Н.Ю., Шлосс В.Е.
- ИЛВ – Истомина Лидия Васильевна, 1952 г. р. Записали в с. Низовье, д. Угреньга Вельского р-на, 2013, Мороз А.Б., Кухтина В.А., Брылева К.В.
- КАД – Карышева Анна Дмитриевна, 1920 г. р. Записали в г. Каргополь Каргопольского р-на, 2003, Назарова Н.В., Михайлова О.В.
- КЕА – Капустина Евдокия Александровна, 1930 г. р. Записали в с. Нокола, д. Белая Каргопольского р-на, 1997, Трофимов А.А., Мороз А.Б.
- МНП – Макарова Нина Павловна, 1927 г. р. Записали в с. Труфаново, д. Ившинская Каргопольского р-на, 1998, Хафизова Л.Р., Мороз А.А.
- ПАТ – Миролобова (Поташева) Александра Тимофеевна, 1932 г. р. Записала в с. Архангело Каргопольского р-на, 1995, Хафизова Л.Р.
- ПЕК-1 – Правдина Евдокия Кузьминична, 1908 г. р. Записали в с. Ухта Каргопольского р-на, 1996, Веселова И.С., Альтшулер П.Б.

- ПНВ – Пантелеева Надежда Викторовна, 1970 г. р. Записали в с. Верхнеустькулой Вельского р-на, 2014, Мороз А.Б., Комарова В.А., Бокун Д.С.
- ПНИ – Пантелеева Нина Ивановна, 1948 г. р. Записали в с. Верхнеустькулой Вельского р-на, 2014, Мороз А.Б., Комарова В.А., Бокун Д.С.
- СЛН – Смирнова Людмила Николаевна, 1961 г. р. Записали в с. Труфаново, д. Ившинская Каргопольского р-на, 1998, Хафизова Л.Р., Мороз А.Б.
- СМА – Спирина Марина Александровна, 1973 г. р. Записали в с. Моша, д. Логиновская Няндомского р-на, 2004, Алешина Т.С., Ковалева Е.В.
- ТВМ – Трапезников Владимир Макарович, 1931 г. р. Записали в с. Лепша Няндомского р-на, 2007, Мороз А.Б., Пережогина В.Ю.
- ТИС – Силина Таисия Ивановна, 1919 г. р. Записали в с. Ухта Каргопольского р-на, 1996, Трофимов А.А., Борщева М.В.

Литература

- Головин 2000 – Головин В.В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. Турку, 2000. 451 с.
- Мартынова 1974 – Мартынова А.Н. Опыт классификации русских колыбельных песен // Советская этнография. 1974. № 4. С. 101–115.
- Мелетинский 1983 – Мелетинский Е.М. Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов // Текст и культура: Труды по знаковым системам. Вып. 16. Тарту: Тартуский ун-т, 1983. С. 115–125.
- Неклюдов 1984 – Неклюдов С.Ю. О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов // Фольклор и этнография: у этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов: сб. науч. трудов / Под ред. Б.Н. Путилова. Л.: Наука, 1984. С. 221–229.

References

- Golovin, V.V. (2000), *Russkaya kolybel'naya pesnya v folklore i literature* [Russian lullaby in folklore and literature], Turku, Finland.
- Martynova, A.N. (1974), "An attempt of classification of Russian lullabies", *Sovetskaya etnografiya*, no. 4, pp. 101–115.
- Meletinskii, E.M. (1983), "Semantic organization of mythologic narrative and a problem of creating a semiotic motif and theme index", *Tekst i kul'tura: Trudy po znakovym sistemam* [Text and culture: Works on sign systems], vol. 16, Tartu University, Tartu, USSR, pp. 115–125.

Neklyudov, S.Yu. (1984), "About some aspects of folklore motifs study", in Putilov, B.N. (ed.), *Fol'klor i etnografiya: u etnograficheskikh istokov fol'klornykh syuzhetov i obrazov* [Folklore and ethnography: besides the ethnography origins of folklore themes and images], Nauka, Leningrad, USSR, pp. 221–229.

Информация об авторе

Маргарита Г. Белодедова, магистрант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; belmargam@yandex.ru

Information about the author

Margarita G. Belodedova, student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; belmargam@yandex.ru